

«Здесь не хочется умирать, здесь хочется жить»

ДОМ ВETERАНОВ СЦЕНЫ: ХЕППИ-ЭНД?

История Дома ветеранов сцены имени М. Г. Савиной, пожалуй, была одной из самых болезненных, о которых когда-либо рассказывала «Вечёрка». Разруха, бессилие управленцев, финансовые махинации, страдания пожилых актеров, проживавших в нем, — все было. «Вечерний Петербург» всегда держал руку на пульсе, реагируя на происходящее в этом учреждении.

Два года назад, незадолго до закрытия Дома ветеранов на реставрацию и переезда его постояльцев в Комарово, мне довелось побывать там. Текущие потолки, отваливающаяся штукатурка, разрушающиеся фасады, стоячая вода в подвалах и дырявые трубы, нарушения санитарных норм и пожарной безопасности — на всем лежала печать тлена и разрушения. Старики не хотели уезжать, уверенные, что вернуться им в их «дворец» уже не суждено. Но этого не произошло — благодаря вмешательству Управления делами президента.

Сейчас, когда большая часть дрызг и пересудов позади, я иду светлыми коридорами по ковровым дорожкам и вдыхаю запах нового дома...

Нелли Аркадьевна и Матвей Матвеевич рады вернуться домой.

...ПОСЛЕ освящения домово́й церкви Патриархом Кириллом, уже выходя из-под ее свода, я встретил старого знакомого, Матвея Матвеевича ГАВРИЛКИНА, заслуженного артиста России, оперного певца, одного из активистов совета ветеранов. С ним мне довелось общаться два года назад в одном из коридоров ДВС, когда мне на темечко с потолка капала вода, а паркет под ногами ходил ходуном.

— Успели уже посмотреть свою комнату? Понравился ли вам дом после ремонта?

— Нам уже здесь довелось побывать, нас привозили, показывали, что получилось, — рассказывает наш давний знакомый. — Сейчас выделенная мне комната чуть меньше, но это не столь важно! Здесь можно жить. Изменилось многое, но все же в лучшую сторону. Хотя, пережив два инфаркта за это время, я думал, что не дотяну до момента, когда вернусь сюда, домой. Я же на том свете был, врачи вытащили... Судя по всему, Путин взялся за них (руководство ДВС. — Ред.) крепко, всего за два года сделали. Мы все опасались, что соорудят обычную серую гостиницу, этакую «доживальню», а они все сохранили, мебель хорошо подобрали. Здесь не хочется умирать, здесь хочется жить.

— А как вам жилось в Комарове?

— Из-за инфарктов мне врачи туда запрети́ли ехать, хотя хотелось быть вместе со всеми. Но вот наша комаровская девушка знает.

И он, подмигивая, кивает на свою спутницу, Нелли Аркадьевну Вежанскую, актрису.

— В Комарове жилось сложно, — продолжает рассказ Матвея Матвеевича Нелли Аркадьевна. — Там очень тесно, комнаты маленькие, и многим людям, чьи возможности в передвижении ограничены или затруднены болезнью, сложно. Иногда свет отключался. Могла горячая вода пропасть. Но не часто. Нас всегда согревала мысль, что мы вернемся домой, что снова пройдем по этим коридорам, снова будем сидеть в любимой гостиной и петь. И сейчас, когда мы видим на дверях таблички со своими именами, то понимаем, что не зря ждали. Спасибо нужно говорить Владимиру Владимировичу, который просто не позволил нам сгинуть. Несомненно, многое вынесла и заслуживает благодарности и Дина Кальченко, председатель совета ветеранов, с которой мы на протяжении десяти лет добивались этого ремонта. И конечно, глубокий поклон газетам, которые нас поддерживали и писали правду о том, что здесь происходило.

— Известна ли вам дата переезда всех ветеранов в ДВС?

— Нам сказали, что переезжать будем в конце июля. Сейчас они здесь еще что-то доделывают. Но для нас было неожиданностью, что на наше бедствие обратили внимание. Все были уверены, что уже похоронены заживо. А президент нам дал шанс.

ВОСКРЕШЕНИЕ ИЗ ПРАХА

Многие говорили и писали о том, что интерьеры здания будут сохранены, а кабинет М. Г. Савиной, в котором хранилась оригинальная мебель и ее личные вещи, отреставрирован. Но почему-то, зная, чем обычно оборачивается спешный ремонт, верилось в это с трудом. Однако, зайдя в мемориальный кабинет Савиной, я был приятно удивлен: по словам Натальи Метелицы, директора Государственного музея театрального искусства, большинство вещей, в том числе и мебель, — подлинные. Вспоминная, как гнутые ножки старинных кресел расслаивались, а панели письменного стола на углах сыпались в труху, сложно представить, что все это можно было вернуть к жизни. Но нам удалось поговорить с Дмитрием ПРОСВИРИНЫМ, руководителем отдела интерьеров организации, выполнившей эту задачу.

— Расскажите, как вам удалось столь тонко воссоздать мебель этого кабинета?

— Это был очень сложный и долгий процесс. Для начала: мы работали с КГИОП, на каждый предмет составлялась полная документация, каждый шаг по реставрации согласовывался вплоть до того, каким лаком должно покрываться дерево, какая раньше была отделка, как она будет выглядеть сейчас, какие были ручки, была ли позолота, каков процент утрат. Если предмет из описи коллекции был утрачен, то мы искали аналог из той же эпохи. Если из ряда элементов декора один был утрачен, то по образцу изготавливался новый. Результат, думаю, виден.

— Иногда возникает вопрос: во сколько это обошлось?

— Могу сказать, что дорого. Процесс реставрации всегда очень кропотливый и дорогой. Легче всегда сделать новый предмет, чем восстановить старый.

— Мой любимый вопрос — о возникших трудностях...

— За столетия меняется структура дерева, и все это нужно укреплять, например те же шиповые соединения элементов. К местам сколов крайне сложно подобрать вставки, доделки. Некоторые предметы были в ужасном состоянии — набравшие влаги, разрушающиеся в руках. Многое восстановлено буквально из праха.

Когда Мария Гавриловна Савина уходила на пенсию, ей подарили сумку с вышитой надписью «Бедной Савиной». Дело в том, что она всю жизнь занималась тем, что собирала деньги для ветеранов сцены, ничего не оставляя себе.

Интерьеры восстановлены в соответствии с оригиналом. Теперь это действительно дворец.

...В саду гуляет теплый ветерок, и под моими ногами уже не какая-то топь, а тротуарная плитка, вокруг — свежие фасады зданий и ухоженные газоны. Однако некоторые вопросы остаются открытыми. Например, до сих пор до конца не ясно, кому же принадлежат здания комплекса ДВС. На время ремонта часть земли была передана Управлению делами президента и теперь останется в федеральной собственности. Другая же половина земли, где расположены не прошедшие реставрацию служебные здания, все еще остается на балансе Союза театральных деятелей. Ветераны высказывают опасения, и, на наш взгляд, весьма оправданные, что эта территория может быть отдана под застройку. Во всяком случае Александр Калягин передавать оставшиеся в его ведении 2,8 га и 6 зданий на Петровском острове Управделами президента не намерен.